

© **Пурицванидзе О. В.**

3. Абрамс, Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918 [Пер. с англ. Е.Незлобиной]; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 408 с.
4. Теория и история феминизма / [Под ред. И.А. Жеребкиной]. — Харьковский Центр Гендерных Исследований, Ф-Пресс, 1996. — 387с.
5. Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Г.А.Брандт. — Спб.: Алетейя, 2006. — 160 с.
6. Кирилук Ф. М. Філософія політичної ідеології: Навчальний посібник / Ф. М. Кирилук. — К.: Центр учбової літератури, 2009. — 520 с.
7. Айзенштейн З. Экспортный феминизм Севера и Запада // Гендерные исследования. — 1998. — №1, — С.10.

Пурицванидзе О. В. – старший преподаватель кафедры социальных наук Одесской государственной академии холода.

УДК: 126

СОЗНАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассмотрены обусловленные спецификой сознания методологические трудности его исследования, определена необходимость поиска новых подходов в его осмыслении.

Ключевые слова: сознание, онтологический статус сознания, предметная неопределенность сознания.

СВІДОМІСТЬ: МЕТОДОЛОГІЧНІ ТРУДНОЩІ ДОСЛІДЖЕННЯ

В статті розглянуто зумовлені специфікою свідомості методологічні труднощі його дослідження, визначено необхідність пошуку нових підходів його осягнення.

Ключові слова: свідомість, онтологічний статус свідомості, предметна невизначеність свідомості.

CONSCIOUSNESS: METHODOLOGICAL DIFFICULTIES OF RESEARCH

The article is about methodological difficulties arising from the research of consciousness and outlines new approaches to understand it.

Keywords: consciousness, ontological status of consciousness, substantive uncertainty of consciousness.

Проблемы, связанные с осмыслением сознания, его укорененности в бытии становятся сегодня приоритетными как для философских, так и конкретно-научных исследований. Необходимость постижения его сущности, онтологического статуса обусловлена тотальным кризисом современной мировой цивилизации, одним из проявлений которого стали глобальные проблемы. И поскольку человечество пока не решило ни одной из них (войны, терроризм, неравенство, нищета), а также не в состоянии обуздать процессы, происходящие в сфере взаимодействия человека и природы, в сфере экономики, социальной политики и идеологии, вопрос о том, что есть сознание, как сущностная характеристика человека, обретает особую остроту.

Явления кризиса, наблюдаемые в духовной сфере современного общества, нашли свое отражение в культуре и философии постмодерна. Человек, как носитель сознания, лишается своего естества и рассматривается как текст или интерпретация и не может претендовать на наличие своей метафизической и гносеологической сущности, а потому оказывается лишенным какого бы то ни было смысла.

Кроме того, с возникновением принципиально новых информационных технологий и соответственно иной – «виртуальной реальности», проблема исследования сознания обретает еще большую остроту, поскольку новые информационные технологии и достижения в области конкретно-научного знания обуславливают неограниченные возможности манипулирования сознанием и воздействия на духовный мир человека, а также применение к нему радикальных стратегий трансформации.

На сегодняшний день накоплен огромный научный, культурологический и собственно философский материал, касающийся различных аспектов исследования сознания.

Огромное значение для уяснения онтологического статуса сознания, его познавательных и ценностных возможностей имеют исследования таких западноевропейских философов как Э. Гуссерль, Э. Кассирер, М. Шеллер, М. Хайдеггер, П. Тейяр де Шарден, К. Леви-Стросс. Взаимосвязь сознания человека с его природными процессами и телесностью глубоко были проанализированы в трудах К. Лоренца, Э.О. Уилсона, Г. Фоллмера, Дж. Марголиса, Дж. Фодора, М. Мерло-Понти. Что касается вопросов обнаружения и влияния бессознательного на самое сознание, то данная проблематика получила свое развитие в работах З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера, В. Райха, Э. Фромма. Исследование сознания с точки зрения его языкового измерения нашло свое отражение у Л. Витгенштейна, Н. Хомского, Ж. Лакана, Р. Барта, Р. Деррида, П. Рикера. Экзистенциальному аспекту сознания, его взаимосвязи с другими сознаниями, а также способности к размыканию самое себя и обращению к иной трансцендентальной реальности, и соответственно смыслу жизни посвящены исследования А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. Бубера, Г. Марселя, К. Яспера, П. Тиллиха.

Немаловажная роль в осмыслении сознания принадлежит таким представителям русской философии рубежа XIX-XX веков, как В.И. Несмелову, С.Л. Франку, Н.О. Лосскому, Н.А. Бердяеву, А.Ф. Лосеву, Г.Г. Шпету, С.А. Аскольдову, В.С. Соловьеву, братьям С.Н. и Е.Н. Трубецким.

Сегодня эти идеи получают свое дальнейшее развитие в исследованиях сознания у таких философов как Е.К. Быстрицкий, Д.В. Винник, А.В. Иванов, Е.М. Иванов, И.Г. Ивашенко, В. И. Кебуладзе, А.М. Лой, М.К. Мамардашвили, М.Ю. Савельева, С.С. Хоружий, и др.

Целью данной работы является выявление круга проблем, возникающих при уяснении сущности сознания, его представленности в бытии, что может стать основанием поиска новых подходов к его постижению.

Еще в 1982 году в одной из своих лекций М. Мамардашвили говорил, что, как люди мы о сознании знаем все, как ученые не знаем ничего. Ситуация к сожалению по сей день несколько не изменилась, разве что появилось множество работ посвященных сознанию констатирующих его сложность и многоаспектность, а также проблематичность исследования. Причиной тому, наш взгляд есть, во-первых, специфика самого сознания, как феномена действительности, и, во-вторых, то место, которое оно занимает в жизни человека и мироздании в целом.

Специфичность сознания, как явления человеку усматривается в самом первом приближении к его рассмотрению, на уровне непосредственной интуиции. Даже не вдаваясь в теоретические трудности исследования, человек может четко определить его как феномен действительности отличный от всех других. Эта особенность сознания была подмечена еще Р.Декартом, который писал, что знание о собственной субъективности являет собой нечто отличное от знания внешних предметов, что доступ к собственной субъективной сфере представлен непосредственно. Э.Гуссерль определял эту особенность как самоочевидность сознания, как схватывание сущего.

Другое, не менее существенное свойство сознания состоит в его способности к свободному управлению и изменению самое себя, способности к свободному творению своей собственной реальности. Причем творя эту новую реальность человек, обладающий сознанием создает нечто новое не только в себе самом, но и вокруг себя. Т.е. очерчивает свое от иного бытие, раскрывает и оформляет его.

И, наконец, специфической особенностью, свойством сознания является его способность выступать средством освоения, постижения, познания других форм существования. Эта особенность нашла свое отражение во многих ныне существующих определениях сознания различных школ и философов, рассматривающих его как высшую форму отражения действительности.

Итак, факт выделенности и уникальности сознания как феномена бытия не вызывает ни у кого сомнения. Но, несмотря на то, что с точки зрения здравого смысла, мы знаем, что обладаем сознанием, что оно свободно и есть способом освоения мира, на уровне теоретического осмысления вопроса о его сущности и онтологическом статусе возникают философские трудности, проблемы и парадоксы.

Это несоответствие интуитивного и теоретического представлений о сознании является тем основанием, где, собственно и разворачивается вся проблематика и парадоксы его постижения.

Наиболее острой проблемой исследования сознания, как подчеркивают практически все философы, размышляющие о данном феномене, является его предметная неопределенность («ускользающая предметность»). Т.е. сознание представлено качественно иным способом

познающему субъекту, чем кардинально отличается от любых других познаваемых форм бытия. Так с одной стороны, оно не дано как совокупность объектов и их отношений, а как непрерывный «поток» фактов сознания, которые сменяют друг друга, что делает достаточно сложным, а иногда и практически невозможным схватывание сознания как предмета действительности. Поэтому вполне справедливым является замечание Э. Гуссерля: «Для исследования сознания было бы безумным применять ту же методику образования понятий и суждений, которая обычно применяется в объективных точных науках. Жизнь сознания находится в состоянии постоянного потока, и всякое *cogito* является текучим, поэтому здесь нельзя зафиксировать последние элементы и отношения» [1, с.16]. С другой стороны, будучи непрерывным потоком фактов сознания, оно обладает и дискретным качеством. «Мы можем сказать, что эти содержательные факты сознания дискретны..., - писал М. Мамардашвили, - мы не рассуждаем непрерывно и не осознаем непрерывно. Дискретность своего сознательного существования мы произвольно накладываем на факт содержательности сознания» [2, с.47-48].

Такая непрерывность и прерывность сознания обуславливает трудности его предметного определения и схватывания. Будучи так представленным в бытии, оно, при первой же попытке его рационального осмысления, «исчезает» за множеством своих проявлений. По словам М.Хайдеггера, сознание в качестве бытия всегда надежно укрыто за сознанием как предметно сущим, т.е. мы везде имеем дело с «сознанием о» (даже если направляем взор на сами его продуктивные акты), но нигде и никогда с «чистым» сознанием [3].

«Ускользающая предметность» сознания закономерно влечет за собой не менее острую проблему – проблему логических средств его освоения, которая состоит в том, что само сознание определяет предметы исследования, различает их в бытии и, наконец, рационально проясняет в системе понятий. Но тогда закономерно возникает вопрос, а как само сознание вычленил, различает себя в себе самом? Это оказывается практически невозможным. Сознание не в состоянии подняться над самим собой, увидеть и помыслить себя наряду с другим. Последствия этой проблемы достаточно тяжелы и выразились во множестве теорий, подходов и парадигм в исследовании сознания. Например, современная философия элиминативизма, настаивает на необходимости устранения терминов ментального словаря и полной заменой их терминами, описывающими нейрофизиологическую деятельность мозга. Такая ситуация в философии сознания не случайна, а явилась результатом того, что сам феномен оказался явлением куда более сложным, нежели представлялось ранее. Кроме того, его наличие как самоочевидный факт оказался далеко не абсолютным. Однако вполне закономерно, что выводы об изъятии, устранении сознания как объекта исследования из науки не могут устраивать ни философов, ни ученых.

Не менее тяжелым последствием проблемы логических средств освоения сознания есть также и то, что сознание не только устраняется из теории как объект исследования, поскольку не может быть логически очерченным, а оказывается лишенным внутренних оснований своей устойчивости. Т.е. налицо отсутствие самой внутренней предметности сознания. В истории философской мысли можно наблюдать к чему собственно может привести отсутствие таких оснований. Это, как один из вариантов - расширение сознания до масштабов бытия вообще и превращение его, таким образом, в ничто. Такая позиция ярко представлена в философии объективного идеализма Гегеля. Либо другой вариант – сужение сознания до воспринимающего субъекта в солипсизме, например, в философии Дж. Беркли.

Тенденция к отсутствию оснований устойчивости сознания породила стратегии редукционизма в исследовании его сущности и онтологического статуса. Это физикализм и ментализм, бихевиоризм и функционализм [4].

Не менее серьезной методологической трудностью в познании и осмыслении сущности сознания является проблема объективности методов его изучения. Известно, что результаты, получаемые в процессе познания сознания, в большей или меньшей степени будут нести в себе содержания, обусловленные эмоциональными и психическими состояниями исследователя-ученого, а также его ценностные установки и интеллектуальные предпочтения. Не останутся не включенными в сам процесс познания даже национально-культурные и биографические особенности личности ученого. По этому поводу О. Шпенглер писал: «Картина души есть всегда лишь картина какой-то вполне определенной души» [5, с.482-483]. У.Р.Эшби не без оснований в свое время заявлял, что наука о сознании должна в принципе отказаться от апелляций к данным живого сознания. Поскольку еще никому не удалось изобрести способа их объективной трансляции и проверки [6].

Проблема объективности методов исследования сознания усугубляется, недостаточностью

средств языка его описания. Об этой проблеме писали в своё время А. Пятигорский и М. Мамардашвили: «Слова человеческого языка всегда предметны, они предполагают референты» [7, с.74]. Однако сознание – это всегда процесс, актуальное переживание. В нем содержится, «...во-первых, что-то, что я осознаю или думаю или чувствую. И, во-вторых: я думаю, что я думаю. Или: я чувствую, что я чувствую» [7, с.368]. Когда же мы пытаемся облечь этот процесс в систему понятий физики либо биологии, которым соответствуют конкретные эмпирически данные объекты, оказываемся в ситуации невозможности определить сущность сознания, выявить его онтологический статус. Поскольку переживания сознания не могут иметь никаких наглядных эквивалентов, всегда субъективны и текучи [8].

Описанные выше методологические трудности постижения сознания и его онтологического статуса требовали поиска новых подходов и стратегий его исследования. И такие стратегии, как показывает история философской мысли, существуют в философии с древних времен, начиная от медитативных и мистических практик непосредственного погружения в поток сознания до феноменологической редукции Э. Гуссерля.

Одним из вариантов таких стратегий является трансцендентальная феноменология. Заявленная как философия сознания она представляет собой сложный синтез классической философии и позитивизма, и которая нашла свое наиболее полное обоснование в философии Э. Гуссерля. Как известно, в основе трансцендентальной феноменологии лежит метод феноменологического анализа сознания. Осуществляя редукцию мы, согласно Э. Гуссерлю, выключаем естественную установку: как бы заключаем в скобки мир, вещи в естественной установке, воздерживаемся от суждения об их физическом, «пространственно-временном существовании здесь», «от принятия решения о бытии или небытии мира» [9].

Задача, которую ставил перед собой Э. Гуссерль, было создание строго объективной и философской науки о сознании. Она, во-первых, должна была базироваться на детально разработанном феноменологическом методе, который явился бы условием преодоления парадоксов исследования сознания, во-вторых, преодолевала бы натуралистические, психологические и метафизические недостатки предыдущей европейской философии во взглядах на сознание; и, наконец, выступала бы в качестве твердого априорного основания всего возможного универсума человеческих знаний. Несмотря на кажущееся преодоление неклассической феноменологической программой принципиальных трудностей классических моделей сознания, гуссерлевский подход не был лишен недостатков, что нашло свое отражение в критике как внутри самой феноменологической традиции, так и вне ее (критика Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Д. Гильдебрандта и др.). Критики Гуссерля полагали, что не было лишено оснований, что феноменологическая редукция обуславливала опасность субъективистского солипсизма, поскольку предметом исследования становилось бытие собственного сознания.

Означенные трудности исследования сознания диктуют необходимость поиска новых подходов в его осмыслении, которые могут быть сопряжены с достижениями современной философии и науки. Сформулированный еще во второй половине XX века антропный космологический принцип может стать основанием для понимания сознания как укорененного в бытии феномена, а потому и предзаданного и проявленного в человеке, что в свою очередь может приблизить к уяснению его сущности. Кроме того, на наш взгляд, появляется возможность целостного подхода в понимании сознания, размыкания, преодоления его замкнутости в себе самом и противопоставления внешнему миру. В западноевропейской философии XX века подобные взгляды высказывал, например, П. Тейяр де Шарден, допуская существование *«беспрельдно простирающейся Преджизни»*, которая последовательно эволюционирует в Жизнь и Сверхжизнь [10]. Биолог Дж. Холдейн не исключает, что жизнь и сознание в рудиментарной форме могут быть присущи материи вообще и являются её неотъемлемыми свойствами. Глубокие интуиции в данном направлении осмысления сознания продемонстрировала русская философия рубежа XIX-XX века.

Итак, сознание как сложный и многогранный феномен действительности обладая такими свойствами как самоочевидность, способность к свободному управлению и изменению самое себя, а также выступая средством отражения и познания мира, на уровне его теоретического исследования, предполагает определенные трудности. К ним относятся, во-первых, предметная неопределенность сознания, поскольку с одной стороны оно представлено как непрерывный поток переживаний, с другой – в силу того, что каждое из явлений актуальной душевной жизни носит временной характер, сознание дискретно. Во-вторых, предметная неопределенность сознания, т.е. отсутствие в нем признаков подобных любому другому познаваемому объекту действительности, обуславливает

© *Ростецька С.І.*

трудности поиска логических средств его определения. Это в свою очередь породило и порождает множество подходов и теорий его определения, в том числе элиминативистских и редукционистских различного толка. И, наконец, в – третьих, к трудностям теоретического постижения сознания необходимо отнести проблему объективности методов его исследования, что усугубляется также недостаточностью средств языка для его описания.

Однако, не смотря на трудности постижения сознания, оно всегда было и будет феноменом философского и научного интереса, поиска новых подходов к его осмыслению, поскольку именно благодаря нему человек остается человеком, осознает себя, творит себя, мир, Вселенную.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль; [пер. с нем. А.В. Михайлова]. — М.: Академический проект, 2009. — 489с.
2. Мамардашвили М.К. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 224с.
3. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В.И. Молчанов.—М.: Высш.шк., 1998. — 144с.
4. Винник Д.В. Основная проблема современной философии сознания. [Текст] / Д.В. Винник //Философия науки. — 2010.—№ 1(44).—С. 102-121.
5. Шпенглер О. Закат Европы, т. 1. — М.: Мысль, 1993. — 523с.
6. Эшби У. Р. Конструкция мозга.— М.: Издательство иностранной литературы, 1962. — 397с.
7. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию.— М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
8. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. — М.: Лабиринт, 1996. — 432с.
9. Гуссерль Э. Феноменология. Статья в Британской энциклопедии [Текст] / Э. Гуссерль; пер. с нем.В.И. Молчанова // Логос.—1991.—№ 1.—С.12—21.
10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240с.

Ростецька С.І. – кандидат політичних наук, доцент кафедри політичних наук Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К.Д.Ушинського»

УДК: 303

ПСИХОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ ПОЛІТИЧНИХ ПЕРЕГОВОРІВ

В статті здійснено аналіз впливу психологічних чинників на процес ведення і результати політичних переговорів.

Ключові слова: переговори, політичні переговори, варварський вплив, маніпуляція, цивілізований вплив, емпатія.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

В статье проведен анализ влияния психологических факторов на процесс ведения и результаты политических переговоров.

Ключевые слова: переговоры, политические переговоры, варварское влияние, манипуляция, цивилизованное влияние, эмпатия.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS IN POLITICAL NEGOTIATIONS

The analysis of the impact of psychological factors on the process and a result of political negotiations have been made in the article.

Keywords: negotiation, political negotiation, barbaric influence, manipulation, civilized influence, empathy.

Ефективність сучасних переговорних комунікацій, в тому числі і політичних, багато в чому залежить від здатності враховувати особистісні особливості і психологію партнерів. Відстоюючи свої позиції в переговорах, партнери постійно надають один на одного вплив, в тому числі і психологічного характеру. Для здійснення останнього використовуються: